

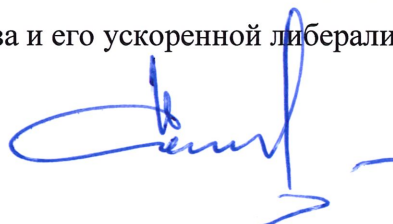
Отзыв официального оппонента
доктора экономических наук Конопляника Андрея Александровича
на диссертационную работу Данилина Никиты Аркадьевича
на тему «Восприятие энергетической безопасности в ЕС как фактор влияния на
внешнюю энергетическую политику России»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития»

1. Актуальность

Один мой немецкий коллега, с кем мы общаемся на английском, любит повторять, что мы живем не в мире фактов, а в мире их восприятия, интерпретаций, допущений (*"We are living not in the world of facts, but in the world of perceptions"*). Диссертант использует для этого иные слова, отражающие то же существо дела применительно к его исследованию: *«в вопросах энергетической безопасности ключевое значение имеет именно восприятие реальности, а не сама реальность»* (с.29). Это утверждение является безусловно справедливым, на мой взгляд, в отношении оценки восприятия значительной частью европейского сообщества (политическим и/или политизированным и популистски настроенным истеблишментом, СМИ, НКО, обывателями) вопросов энергобезопасности ЕС, в частности - через призму январских событий 2006-го и 2009-го гг. и после них.

Случившиеся в указанные дни транзитные украинские газовые кризисы закрепили в общественном сознании значительной части ЕС восприятие этих событий, отличающееся от реальности. И «восприятие» стало превалировать над фактической и причинно-следственной стороной дела. 22 дня перерыва в транзитных поставках газа через территорию Украины в ЕС перечеркнули в общественном сознании ЕС предыдущие 40 лет бесперебойных поставок советского/российского газа в Европу, в том числе в годы политического противостояния двух систем (период «холодной войны»), и сформировали в значительной части европейского общественного сознания искаженное представление, что истинным виновником прерывания транзитных потоков является не транзитная страна (Украина), а страна-поставщик (Россия), при том, что факт несанкционированных отборов газа из транзитной трубы является доказанным и международно признанным.

Но на этом искаженном восприятии была выстроена значительная часть последующей энергетической политики ЕС по диверсификации энергоснабжения, по формированию новой архитектуры единого внутреннего рынка газа и его ускоренной либерализации (не

подкрепленной, зачастую, адекватным развитием необходимой для обеспечения справедливой конкуренции инфраструктуры), по форсированному развитию ВИЭ. Причем последнее - не только и не столько как результат последовательной климатической политики ЕС (Киото-1998/Париж-2015/Катовице-2018), сколько как результат стремления (до недавних пор) к построению 100%-ного электрического будущего ЕС на основе электроэнергии ВИЭ, дабы «заменить «чистыми (зелеными)» отечественными (произведенными в ЕС) электронами «грязные» импортные молекулы».

И сегодня значительная часть энергетической политики России на европейском направлении воспринимается заметной частью политического истеблишмента ЕС не через призму технико-экономических, коммерческих реалий, а через призму политизированных, популистских допущений (perceptions). Наиболее очевидные примеры - отношение к, точнее, массовые политические кампании против морских газопроводов «Северный поток» и «Турецкий поток» и их сухопутных продолжений в пункты сдачи-приемки российского газа по действующим контрактам на поставку.

Поэтому стремление диссертанта выявить, как виртуальная реальность отделяется от фактической стороны дела, но начинает влиять на (определять) реальную энергетическую политику ЕС по отношению к России, является весьма актуальной постановкой задачи на исследование. Тем более, как он обоснованно пишет на с.6 диссертации (с.5 а/реферата), «в научно-исследовательской литературе подробно не изучался вопрос о взаимосвязи между восприятием проблем энергетической безопасности в ЕС и возможностями реализации российской внешней энергетической политики», эти вопросы (на мой взгляд - незаслуженно) «оказались на периферии внимания научного и экспертного сообщества».

2. Достоинства

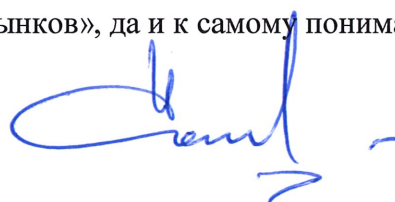
Постановка задача (выявление perceptions) требовала анализа большого массива информации, обращения к значительному числу работ отечественных и зарубежных авторов. Предъявленный диссертантом внушительный список из 248 неслучайных (и, полагаю, изученных им – судя по приведенным в диссертации их кратким описаниям) источников создает, на мой взгляд, критическую (необходимую и достаточную) массу литературы для того, чтобы «уловить тенденцию» и делать правильные выводы.

Поскольку выбранная им тема находится на пересечении нескольких крупных областей научных исследований, автор выделяет пять (так следует из диссертации, но лишь четыре – так следует из а/реферата, небольшая техническая нестыковка...) группы работ, которые

рассматривает по отдельности сначала в российской, а затем в зарубежной научной литературе, причем – что важно – подготовленные представителями разных научных дисциплин, работы которых предполагают взгляды на проблему с разных позиций (с.7-24 диссертации, с.5-14 а/реферата). Это уже является достоинством диссертационной работы – выбор статистически значимого многогранного (многовекторного) массива данных для анализа (в данном случае – для выявления степени научной разработанности темы и определения эффективной ниши для своего исследования).

Автор систематизирует проанализированные им российские исследования (с.7 и далее) по следующим направлениям (с такой их систематизацией также можно согласиться): (1) *«научные труды, в которых рассматриваются проблемы конфликтности в отношениях России и ЕС»* (с.7), в том числе выделяя работы, рассматривающие конфликты политические, но также и работы экономические, *«фокус [которых] на конкретных проблемах взаимодействия России-ЕС вместо обсуждения проблем широкого политического плана»* (с.10) (приятно было видеть, что в данный подраздел попали работы автора этих строк); (2) *«исследования, в которых изучается энергетическая политика России»* (с.11); (3) *«работы, в которых рассматривается энергетическая политика Европейского союза»* (с.12); (4) *«исследования, посвященные общим проблемам энергетического измерения международных отношений и энергетической безопасности»* (с.13); (5) *«работы, посвященные современным тенденциям развития нефтегазового комплекса»* (с.15).

Зарубежные исследования (с. 16 и далее) диссертант анализирует в несколько иной их группировке: (1) *«работы, в которых рассматривается энергетическая политика России»* (с.17); (2) *«работы, посвященные основным проблемам взаимоотношений России и ЕС»* (с.19); (3) *«исследования, в которых рассматривается энергетическая политика Европейского союза»* (с.20); (4) *«работы, посвященные проблематике общих проблем энергетического измерения международных отношений и энергетической безопасности»* (с.21). Аналогичный пятому (в анализе российской литературы) раздел *«работы, посвященные современным тенденциям развития нефтегазового комплекса»* в анализе зарубежной литературы отсутствует (кроме ссылки на две работы Д.Йергина на с.23), что искренне жаль, ибо сопоставление двух очевидно разных групп представлений о «нормальном состоянии» и перспективах развития отрасли и энергетики в целом в ЕС и РФ (и не только потому, что отражало бы различные взгляды нетто-импортера и нетто-экспортера на предмет, но и по разному отношению - в системе принятия решений РФ и ЕС – к понятию «либерализация энергетических рынков», да и к самому пониманию, что

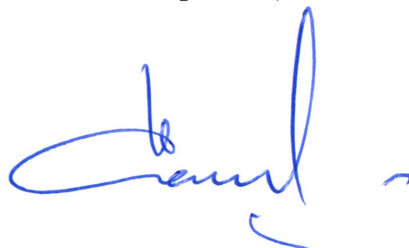
есть «энергетический рынок»), безусловно, добавило бы аргументированности выводам об отрыве восприятия европейской стороной российской энергетической внешней политики, поскольку исходило бы из разных представлений о базисных компонентах современного состояния и перспектив развития отрасли (различный «базис» предопределяет различающуюся «надстройку», в Марксовой системе терминов).

Диссертант приходит к выводу, что *«значительная доля работ основывается на положениях парадигмы неореализма. В них международные отношения рассматриваются как взаимодействие, прежде всего, между государственными акторами, анализ проводится в терминах игры с нулевой суммой...»*. Именно такой подход, на мой взгляд, и предопределяет неверность восприятия сторонами друг друга: когда «национальные интересы» трактуются не в терминах взаимной выгоды – будь-то двусторонние или многосторонние отношения (то есть в терминах оптимальных величин), а в терминах максимизации выгоды одной из сторон. И далее (с.23) автор делает вывод, с которым не могу не согласиться (относя его к достоинствам работы): *«Вопросы восприятия сторонами друг друга привлекают значительно меньшее внимание исследователей, что подтверждает новизну выбранного проблемного поля и поставленных в диссертационной работе целей и задач»*.

Заслуживает отдельного одобрения широкая и разносторонняя источниковая база исследования (ее обоснование на с.24-25 диссертации, с.15-17 а/реферата) – как источники официального происхождения (РФ и ЕС), так и материалы энергетических компаний и многосторонних энергетических организаций, выступления официальных лиц и материалы СМИ: для понимания механизма формирования «восприятия» такая разносторонняя источниковая база необходима.

Цели и задачи исследования (с. 25-27) не вызывают возражений, как и хронологические рамки - с 2006 г., ибо именно с этого времени (после первого украинского транзитного кризиса) резко активизировалась деятельность ЕС по диверсификации энергоснабжения и стал явным отрыв европейского восприятия российской внешней энергополитики от ее реального содержания и деятельность различных институтов и групп влияния в ЕС по увеличению этого разрыва.

Структура диссертации определяется исследовательским замыслом и выстроена на основе проблемно-тематического принципа. Работа читается с интересом (что важно для

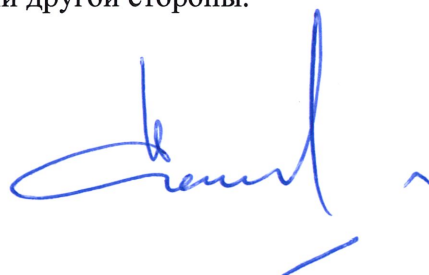

объемных исследований), для меня – возможно – с дополнительным интересом, поскольку написана специалистом из смежной области знаний.

3. Недостатки

Не могу отнести к недостаткам работы, но скорее к терминологическим разногласиям, которые, тем не менее, отражают образ мыслей и подходы к проблеме не только диссертанта, но и доминирующие в системе принятия решений как в РФ, так и в ЕС (ведь «как Вы лодку назовете, так она и поплывет...»). Речь идет о словоупотреблении терминов - «угрозы» или «вызовы, риски, неопределенности». На стр.25 диссертации автор обозначает «прикладную проблему» диссертации (формулировка которой влияет на последующие объект, предмет и цель работы): *«трансформация газового рынка ЕС, которая обуславливает осложнение реализации целей и задач российской внешней энергетической политики на европейском рынке, что представляет собой угрозу для энергетической безопасности России»* (выделено подчеркиванием мной – А.К.).

Мне не близка терминология «угроз», ибо именно она предопределяет – и об этом пишет сам автор – ответные меры как «противостояния угрозам», что предопределяет дальнейшую «игру с нулевой суммой» (zero-sum approach), а не поиск взаимовыгодных решений (win-win approach). На мой взгляд, организация внутреннего рынка газа ЕС по той или иной модели является суверенным правом ЕС, если при этом соблюдаются международно-признанные принципы контрактного права в отношении участников рынка, в частности принцип sanctity of contracts (тем более Россия является крупнейшим внешним поставщиком на этот рынок и любые изменения на нем для нас особенно значимы и/или болезненны, поскольку требуют адекватной адаптации к этим новым правилам). То есть коллизия между административным и контрактным правом (исполнение действующих, заключенных при старых правилах, контрактов в условиях ввода новых правил регулирования) должна разрешаться с учетом обоснованных озабоченностей участников рынка, в нацеленном на поиск взаимоприемлемых развязок диалоге между ними и регуляторами (законодателем-сувереном). Использование терминологии «угроз» затрудняет (не говорю, однако, что делает совсем невозможным) поиск взаимоприемлемых развязок в рамках «win-win» взаимодействия и способствует формированию новых негативных ожиданий (“negative perceptions”), воспринимаемых именно как «угрозы» - круг замкнулся, с той и/или другой стороны.

Среди положений, выносимых на защиту, диссертант пишет, что «*Российско-украинские кризисы 2006 и 2009 гг. ... открыли «окно возможностей» для дальнейшей либерализации рынка»* (с.31 диссертации, с.20 а/реферата). Далее (с.31 диссертации/с.21 а/реферата) он акцентирует, что «*«фокусирующими событиями», которые открыли «окно возможностей» для активного развития процесса либерализации, выступили российско-украинские кризисы 2006 и 2009 гг.»* и что «*активизация либерализации газового рынка к 2006 г. не была predeterminedena*». Иными словами, автор очевидно связывает активную либерализацию рынка газа ЕС с указанными российско-украинскими газовыми кризисами.

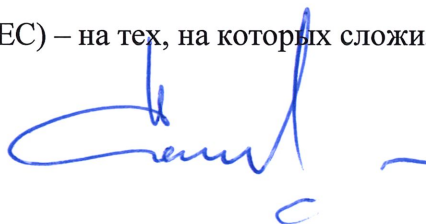
Я же придерживаюсь иного взгляда на «окно возможностей» для либерализации европейского газового рынка, которое открылось ранее 2006 г., но волна либерализации хлынула в него именно в 2009 г. совсем по другой причине. На мой взгляд, автор предлагает (впрочем, далеко не он один) считать причинно-следственной связью то, что является хронологическим совпадением, а именно: транзитные российско-украинские газовые кризисы января 2006-го и 2009-го гг., с одной стороны, и Третий энергетический пакет (ТЭП) ЕС (принят в сентябре 2009 г., но заявлен в сентябре 2007 г. по итогам проведенного в 2005-2007 гг. Директоратом по конкуренции Еврокомиссии “Energy Sector Inquiry”, начатого этим Директоратом с известных рейдов по штаб-квартирам энергетических компаний и выемки документов в них в 2004 г. сразу же после принятия Второго энергопакета ЕС в 2003 г.). ТЭП ЕС радикально изменил и окончательно (вслед за вторым Энергопакетом ЕС) либерализовал архитектуру газового рынка ЕС (правда, не совсем по той модели, что была заявлена в 2003 г.). И эти изменения, действительно, в своих ключевых элементах, произошли в одно время – в 2009 г.

Однако на мой взгляд, ускоренной либерализации рынка газа ЕС способствовала, и даже сделала ее возможной, в первую очередь, американская сланцевая революция, которая, через систему своих «эффектов домино» практически в одночасье обеспечила формирование на рынке газа ЕС избытка предложения (как контрактного, так и физического), что привело к резкому падению спотовых цен и создало условия для быстрого и эффективного внедрения норм ТЭП ЕС (то, что и называется «либерализацией рынка газа ЕС»). Ибо либерализационные реформы всегда проводятся успешно только в условиях избытка, но не дефицита предложения (последний существовал на рынке газа ЕС вплоть до 2009 г.). Поэтому украинские кризисы явились зримым поводом (точнее, были представлены в качестве такового – то есть сформированы как очередная perception), но не действительной, скрытой от публики, причиной самой возможности ускорения либерализации рынка газа ЕС. Но поскольку диссертант исследует поведение

«надстройки», а не глубинные изменения, произошедшие в «базисе», вышеизложенное не следует ставить ему в вину и относить к недостаткам его работы.

Более того, я согласен с автором в том, что *«либерализация стала восприниматься в качестве механизма предотвращения угроз энергетической безопасности европейских стран»*, но эта задача (такое восприятие), на мой взгляд, возникла попутно, как побочная задача либерализации, которая стала все больше и больше выпячиваться в качестве основной. Но она не была самостоятельной задачей, положившей начало либерализации рынка газа ЕС. Ведь начиналась либерализация - Второй энергопакет ЕС 2003 г. с его дезинтеграционными (unbundling) положениями - как средство борьбы с засильем на рынках газа и электроэнергии ЕС крупнейших отечественных энергетических монополий – national champions. До расширения ЕС в 2004 г. все российские контракты заканчивались на внешней границе ЕС. А проблемы с украинскими газовыми контрактами (на поставку и на транзит) возникли в 2004-2005 гг. (завершившись первым транзитным кризисом января 2006 г.), в значительной степени, как результат заявленного еще в мае 2004 г. тогда еще кандидатом в Президенты Украины В.Ющенко стремлением к Евроинтеграции, что означало начало перевода им (после победы на Президентских выборах, во исполнение предвыборных обещаний) на «европейские формулы» этих контрактов. Последствия известны. Но указанные 22 дня перерыва в поставках (3 дня в 2006 г. плюс 19 дней в 2009 г.) стали материальной основой («ложкой дегтя») для формирования в заинтересованных кругах ЕС «образа врага» и «угрозы энергетической безопасности ЕС» в лице России и Газпрома.

Здесь же, в положениях выносимых на защиту, и далее по тексту диссертации, в ответ на констатацию упреков в адрес Газпрома - *«в работах европейских и американских авторов особо подчеркиваются связи компании «Газпром» с государственным аппаратом и переплетение коммерческих интересов компании с целями государственной политики»* (с.30), - я, к сожалению, не увидел позиции диссертанта по этому вопросу. Поэтому приведенные обвинения в адрес моей страны повисают в воздухе. Хотя контр-аргументы очевидны: если мы (в рамках ООН) продолжаем жить в эпоху суверенных государств, которые являются собственниками находящихся в их недрах природных ресурсов, то связка «Российское государство - Газпром» является связкой «суверен - агент». Государство назначает своих представителей в Совет Директоров Газпрома. И роль Газпрома, наделенного статусом фактически государственной компании – агента РФ, заключается в максимизации ресурсной ренты для своего суверена, в частности на внешних рынках. Это означает, что на разных экспортных рынках (стран ЕС) – на тех, на которых сложился

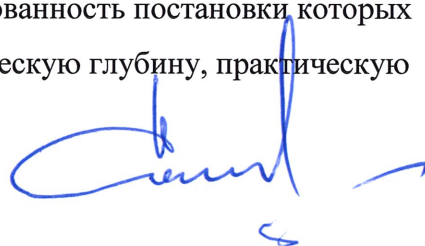

избыток предложения в силу высокой диверсификации поставщиков и множественности, разветвленности инфраструктуры доставки на них (например, в Северо-Западной Европе), и на тех, где эти условия еще не сложились по зависящим не от России/Газпрома, но лишь от самих государств ЕС причинам (например, в Юго-Восточной Европе), - могут и будут действовать разные механизмы ценообразования, могущие предопределять (результативаться в) разные уровни оптовых цен. А разные системы налогообложения в разных странах будут усугублять эти различия и делать разными и розничные цены в них. То есть цены по определению не могут быть едиными внутри ЕС (с разницей лишь на дельту транспортировки), пока не будет сформирован действительно единый, бездефицитный не как статистическое целое («средняя температура по больнице»), а обеспечивающий действительно избыток предложения (с запасом прочности в виде резерва газотранспортных мощностей и объемов закачки газа в ПХГ) в каждом энергопотребляющем регионе ЕС, с возможностью свободных перетоков газа внутри ЕС (чего сегодня нет и в ближайшее время не предвидится) тот самый единый рынок газа, задача формирования которого была в самом общем виде сформирована еще на заре формирования ЕС, общий рынок которого (в случае рынка газа по модели ТЭП – системы сообщающихся бассейнов (рыночных зон), соединенных трубопроводами-интерконнекторами) предполагал свободу передвижения товаров, труда, капитала и т.п., где газ – один из таких товаров. Правда, задача обеспечения такой свободы его перемещения является одной из наиболее капиталоемких; отсюда и многие проблемы...

Не могу не отметить в этом разделе отзыва, что научные журналы, в которых нашли отражение основные выводы, сделанные автором в результате проведения его исследования (с.34-35 диссертации, с.23 а/реферата), относятся, скорее, к периферийным публикациям для специалистов так или иначе связанных с энергетической проблематикой, поэтому, вероятнее всего, остались вне поля зрения таких специалистов, хотя формальности (журналы входят в список ВАК) соблюдены.

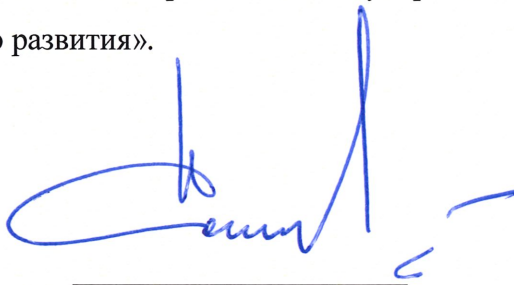
4. Вывод

Работа Н.А.Данилина «Восприятие энергетической безопасности в ЕС как фактор влияния на внешнюю энергетическую политику России» представляет самостоятельное, оригинальное и целостное – и, что немаловажно, интересное для чтения – законченное исследование, позволяет аргументированно ответить на поставленные вопросы, решить исследовательские задачи, правомочность и обоснованность постановки которых доказана. Работа имеет научную новизну, теоретическую глубину, практическую

ценность. Полагаю, диссертация Н.А.Данилина соответствует требованиям ВАК и критериям "Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства РФ №335 от 21.04.2016 «О внесении изменений в Положение о присуждении ученых степеней»), а соискатель Данилин Никита Аркадьевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

5 декабря 2019 г.

(А.А.Конопляник)

Доктор экономических наук (специальность 00.00.05 – «Экономика, планирование и организация управления народным хозяйством и его отраслями»), профессор; Советник Генерального директора ООО «Газпром экспорт»; профессор кафедры международного нефтегазового бизнеса ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»; Почетный профессор Центра энергетического права Университета г.Абердин (Шотландия), Почетный сотрудник Центра энергетического, нефтегазового и горного права и политики Университета г.Данди (Шотландия); Ассоциированный член Института энергетики для стран Юго-Восточной Европы (Афины, Греция)

Подпись Советника Генерального директора ООО «Газпром экспорт» А.А.Конопляника заверяю

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ОТДЕЛА КАДРОВ И ТРУДОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ Управления по
РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ

Е.А.Казанцева

06.12.2019.

Контактные сведения: ООО «Газпром экспорт», Российская Федерация,

191023, г. Санкт-Петербург, пл. Островского, дом 2А, Литера А

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, дом 65

Электронная почта: a.konoplyanik@gazpromexport.com

Телефон: +7 (495) 719 2205